

С ъ в е р н ы е а р х и в ы.

(Отрывки).

Понятно желаніе даже случайнаго посѣтителя Березова или Сургута познакомиться съ исторіей этихъ сѣверныхъ, удаленныхъ отъ европейской культуры, захудалыхъ городковъ тобольской губерніи. Какъ тотъ, такъ и другой — мѣсто ссылки. Березовъ въ этомъ отношеніи даже знаменитъ, такъ какъ въ немъ жили и умерли извѣстные ссыльные Меншиковъ, Долгорукій, Остерманъ. Ихъ могилы показываютъ и теперь, причемъ только могила Остермана болѣе или менѣе достовѣрна, объ остальныхъ высказываютъ лишь вѣроятныя предположенія. Но что скажутъ могилы? Хочется выслушать рассказы, посмотрѣть переписки, дѣла, и ближе, какъ говорится, на самомъ мѣстѣ преступленія, познакомиться съ жизнью знаменитыхъ „государственныхъ преступниковъ“. Мѣстные источники слишкомъ бѣдны. Указываютъ, напр., мѣсто, гдѣ, по преданію, стоялъ острогъ, въ которомъ содержался Меншиковъ; сношенія съ нимъ были запрещены; попытка нѣкоторыхъ жителей завести сношенія съ сосланными кончилась тѣмъ, что нѣкоторыхъ березовскихъ обывателей, въ томъ числѣ и одного священника, сослали въ отдаленныя мѣста, урѣзавъ языки.

Грустныя воспоминанія, связанныя съ этимъ мѣстомъ, ослабляются стоящей невдалекѣ небольшой церковью. Чистая, бѣлая, она какъ бы улыбается, красиво выдѣляясь на темномъ фонѣ группы лиственницъ — этихъ красавицъ сѣвера. Защищая церковь отъ бурь и непогоды, эти мощныя, стройныя деревья укоризненно киваютъ своими верхушками, глядя на нашу мрачную старину.

Г. Березовъ. Церковь. въ оградѣ которой указываютъ могилу Остермана.

Казалось бы, въ архивахъ должно сохраниться много интереснаго, но и тутъ—разочарованіе. Вамъ скажутъ, что все интересное потеряно или уничтожено пожарами. И дѣйствительно, архивы березовскаго и сургутскаго полицейскихъ управленій, съ которыми мнѣ пришлось ознакомиться, благодаря любезности исправниковъ И. В. Евсѣева и Г. А. Пирожникова, не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо серьезныхъ данныхъ. Многое въ этихъ архивахъ можетъ быть отнесено лишь къ области курьезовъ или чисто бюрократическихъ упражненій въ управленіи сѣвернымъ краемъ. Вотъ небольшая часть этихъ матеріаловъ.

І. Ссылный колоколъ.

Кромѣ извѣстнаго угличскаго колокола, сосланнаго въ Тобольскъ царемъ Борисомъ Годуновымъ, не былъ ли сосланъ еще другой колоколъ,—въ г. Сургутъ?

Этотъ вопросъ невольно напрашивается при разсмотрѣніи дѣла „о доставленіи свѣдѣній о имѣемомъ на Сургутской Троицкой церкви колокольномъ колоколѣ, сосланномъ якобы съ наказаніемъ изъ Россіи“.

Тобольское губернское правленіе, получивъ частныя свѣдѣнія, что въ упраздненномъ городѣ Сургутѣ на колокольнѣ Св. Троицы есть колоколъ, сосланный въ прежнія времена изъ Россіи, съ наказаніемъ, 31 іюля 1836 года предписало сургутскому отдѣльному засѣдателю доставить свѣдѣніе: „какого именно вѣсу сей колоколъ, какая на немъ положена надпись и какія имѣетъ на себѣ изображенія святыхъ“, и затѣмъ „узнать отъ старожиловъ, нѣтъ ли какихъ преданій или въ церковной архивѣ какихъ записокъ о времени, въ которое сосланъ означенный колоколъ, по какому обстоятельству, откуда именно и какое сдѣлано ему было наказаніе“.

Засѣдатель Ширяевъ запросилъ объ этомъ 28 августа 1836 года священниковъ Сургутской Троицкой церкви. Тѣ отвѣтили „Его Благородію“ слѣдующей краткой надписью: „о такихъ секретныхъ дѣлахъ безъ главнаго правительства нашего свѣдѣнія публичныя отбирать о наказаніи святыни не отваживаемся“. Подписали: „іерей Кайдаловъ, іерей Вергуновъ“. Затѣмъ священникъ Вергуновъ 1 сентября того же 1836 г. увѣдомилъ засѣдателя, что въ церковномъ архивѣ никакихъ свѣдѣній о колоколѣ не оказалось; „значится внесеннымъ въ опись колоколъ, висящій на колокольнѣ, поіелейный, изображенія святыхъ иконъ на себѣ не имѣетъ и вѣсу оному не означено“. О. Вергуновъ собралъ свѣдѣнія „также и од честныхъ людей“, но никто не могъ удостовѣрить, откуда колоколъ сосланъ, или гдѣ наказанъ.

Засѣдатель, отвѣчая губернскому правленію, также добавляетъ, что онъ распрашивалъ сургутскихъ старожиловъ, но никто не могъ дать положительныхъ свѣдѣній о колоколѣ; „нѣкоторые изъ нихъ“, пишетъ засѣдатель, „уже престарѣлыхъ лѣтъ, сказываютъ по слухамъ, носившимся отъ предковъ ихъ, что присланъ якобы колоколъ назадъ тому болѣе ста лѣтъ, называемый поіелейной, но въ какое время, откуда присланъ и по какому обстоятельству,—того утвердить не могутъ“. По осмотру, произведенному засѣдателемъ, оказалось: „колоколъ вѣсу долженъ быть не болѣе 20-ти пудъ, надписи на немъ и изображенія святыхъ никакихъ нѣтъ, кромѣ какъ только на

поверхности онаго вылитая насѣчка въ видѣ бордюра, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края у онаго нѣсколько выкрошились“.

Какъ понимать первый, уклончивый отвѣтъ священниковъ Кайдалова и Вергунова?—Не скрыли ли они изъ боязни известную имъ часть истины о колоколѣ? Къ нимъ вѣдь сравнительно близокъ былъ случай урѣзанія языка березовскому священнику, а порядки 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія тоже не отличались особенной мягкостью.

II. Когда исчезли на сѣверѣ рѣчные бобры?

Въ іюлѣ 1829 года сургутскій отдѣльный засѣдатель получилъ запросъ отъ гражданскаго губернатора „отобрать отъ торгующихъ въ Сургутѣ лицъ, какую именно послѣднюю и безъ малѣйшаго излишества цѣну согласятся взять за каждый фунтъ бобровой струи, нужной для тобольской казенной аптеки“. Засѣдатель отвѣтилъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ „бобровой струи въ теченіи сего (1829) года въ продажѣ по сургутскому отдѣленію не было и нынѣ оной въ рукахъ ни у кого не имѣется; какъ инородцы, такъ и русскіе въ промыслахъ своихъ сихъ звѣрей не добывали“.

Сопоставимъ этотъ отвѣтъ съ заботой высшей администраціи края о сохраненіи дорогого звѣря, проявленной спустя 22 года.

5 іюля 1851 г. на имя сургутскаго отдѣльнаго засѣдателя изъ тобольскаго губернскаго правленія послѣдовалъ указъ, при которомъ приложена копія предложенія предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ главнаго управленія Западной Сибири тобольскому гражданскому губернатору отъ 14 апрѣля 1851 года. Въ предложеніи изложены „правила для предупрежденія совершеннаго истребленія рѣчныхъ бобровъ въ Западной Сибири“.

Правила кратки:

1. Запретить вообще въ Западной Сибири ловлю рѣчныхъ бобровъ въ продолженіи пяти лѣтъ.

2. Въ мѣстахъ, гдѣ водятся рѣчные бобры, запретить на разстояніи полуверсты истребленіе кустарниковъ и всякаго рода деревьевъ, особенно тополя, ивы и березы, которыми они наиболѣе питаются.

3. Наблюденіе за исполненіемъ сего возложить на старость (родоначальниковъ), родовыя управленія и инородныя управы, согл. 71, 75 и 91 ст. учр. объ управ. инород., т. 2 св. зак., изд. 1842 г.

Эти правила Высочайше повелѣно „привести въ исполненіе, но съ тѣмъ, чтобы чрезъ сіе не послѣдовало стѣсненія инородцамъ или чтобъ сіе не послужило поводомъ къ непозволительнымъ сборамъ и подобнымъ безпорядкамъ“.

Засѣдатель предписалъ, въ свою очередь, тринадцати инороднымъ управамъ. Какъ отнеслись инородцы къ этому распоряженію, въ разсматриваемомъ дѣлѣ свѣдѣній, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Кустарниковъ и всякаго рода деревьевъ по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ Сибири еще много и теперь, а о рѣчныхъ бобрахъ осталось лишь одно воспоминаніе и трогательная забота „объ ограниченіи ловли рѣчныхъ бобровъ“.

III.

Но не одни бобры вызывали о себѣ заботу администраціи. Въ 1827 году изданъ былъ приказъ „о невыниманіи инородцами и русскими изъ гнѣздъ лисятъ и соболей“. Приказъ начинается указаніемъ на вредъ такого способа добычи лисицъ и соболей. „Оныя лисята, говоритъ приказъ, и соболенки, пропадаютъ всѣ сколько ни было, или хотя остаются изъ оныхъ самая малая часть живыхъ, не могутъ быть такими добротными, каковы бывають польскіе *) и продають съ сидѣлыхъ звѣрей шкуры за безцѣнокъ“. Предписывалось объявить старшинамъ и всѣмъ инородцамъ „дабы они ни подъ какимъ видомъ лисятъ и соболей изъ гнѣздъ не вынимали, за симъ имѣть неослабное наблюденіе съ тѣмъ, чтобы если у кого окажутся сіи звѣри, таковыхъ отбирать и отпущать на волю, и о тѣхъ инородцахъ доносить неотлагательно, а если со стороны вашей (приказъ „вахтерамъ магазина“) какіе откроются въ семъ случаѣ корыстолюбивые виды и ясапнымъ поноворки, то за все оное взыщется съ васъ самымъ строгимъ образомъ“.

---

*) Полевые, дикіе.

Предложеніе съ изложеніемъ сущности приказа было послано семи старшинамъ и казачьей сотнѣ въ Сургутъ, причемъ въ приказѣ казакамъ добавлено: „и болѣе всего злоупотребительно есть то, что симъ выводятъ и умаляютъ въ природѣ звѣря, коего время отъ времени становится менѣе“.

IV. „О травѣ крапивѣ и производимомъ изъ оной издѣліи“.

Сургутскій частный комисаръ получилъ отъ тобольскаго гражданскаго губернатора предписаніе отъ 7 марта 1814 года доставить ему „удовлетворительнѣйшее свѣдѣніе, не произрастаетъ ли во ввѣренномъ ему комисариатствѣ крапива, и буде она есть, въ чемъ я, пишетъ губернаторъ, и не сомнѣваюсь, то ясашные вырабатываютъ ли изъ оной и какіе именно издѣлія, при чемъ приложить образцы сихъ послѣднихъ съ нужными объясненіями на счетъ прочности и употребленія оныхъ“.

Такой запросъ вызванъ былъ полученіемъ предписанія сибирскаго генераль-губернатора, который получилъ свѣдѣнія, „что въ сѣверныхъ и южныхъ странахъ томской губерніи растетъ особеннаго рода крапива, которая по сдѣланнымъ испытаніямъ оказалась годною не только на витѣ веревокъ, но и на пряжу для дѣланія неводовъ, также и одежды“. Комисаръ донесъ: 1. „Трава крапива во всѣхъ ясашныхъ волостяхъ Сургутскаго комисариатства произрастаетъ со избыткомъ, такъ что ясашные на потребные имъ изъ оной крапивы издѣлій пикогда недостатка не имѣютъ; 2. Издѣлія изъ оной вырабатываютъ только тѣ, кои имъ свойственны, а именно: вьютъ къ лукамъ веревки, называемые тетивы, прядутъ нитки, невода и для сѣтей и сайповъ (?), которые по объясненію ихъ прочностію служатъ въ равномъ достоинствѣ, какъ и дѣлаемые изъ конопля; 3. Изъ выдѣлываемыхъ тѣми ясашными нитокъ можно бы ткать и холсты, но какъ тѣ ясашные по азіатскому обыкновенію къ таковой выдѣлкѣ холстовъ не свойственны, то и нигдѣ оныхъ по Сургутскому комисариатству не производится; 4. Изъ выдѣлываемыхъ же изъ крапивы нитокъ двухъ сортовъ—первые толстые для неводной мережи, а послѣдніе тонкіе для сѣтей и

сайповъ ясашиными всегда употребляемыми долгомъ поставить изъ оныхъ при семъ приложить въ видѣ образца“.

Образцы были доставлены генераль-губернатору, а комиссару предписано: „тѣмъ жителямъ, гдѣ таковая крапива произрастаетъ, внушить о размноженіи и обрабатываніи оной, яко растенія, могущаго принести для нихъ великую выгоду, и объ успѣхѣхъ донести въ свое время“. Конецъ переписки: „по оному Вашего Превосходительства повелѣнію мною распоряженіе учинено быть имѣетъ, о чемъ покорнѣйше рапортую“. 26 ноября 1814 г. № 1222.

V. „Дѣло о годовыхъ свиньяхъ, обѣщающихъ родить 12 поросятъ“.

Тобольской духовной консисторіи въ 1810 году понадобилось имѣть свѣдѣніе: „въ какой цѣнѣ состояли вышеозначеннаго (1807) и нынѣшняго (1810) года въ Югановскомъ погостѣ годовыя свиньи, обѣщающія родить 12 поросятковъ“. Объ этомъ посланъ былъ запросъ въ сургутское духовное правленіе. Обратились къ какому то полицейскому чиновнику (не разборчивъ его титулъ), который составилъ такую надпись: „отъ Сургутскаго купецкаго и мѣщанскаго общества потребно мнѣ свѣдѣніе, по какой цѣнѣ состояли въ 1807 и нынѣшнемъ (1810) году въ Югановскомъ погостѣ годовыя свиньи, обѣщающія родить двѣнадцать поросятковъ“. Подписалъ Пролещихинъ. Староста отвѣтилъ, что „въ Юганѣ годовыя свиньи не продавались по невѣвозу, а въ Сургутѣ продавались по четыре рубля и съ полтиною четыре“.

При разсмотрѣніи какого дѣла: могли понадобиться консисторіи свѣдѣнія о свиньяхъ, „обѣщающихъ“ 12 поросятъ?

VI. Березовское чудо.

Осенью 1845 г. звѣропромышленники остякъ Фалалей Лыксовъ и самоѣдь Обыль въ урманѣ убили необыкновенное чудовище: „поставъ человѣческой, росту арш. 3-хъ, глаза одинъ на лбу, а другой на щекѣ, шкура недовольно толстой шерсти, потонѣе собольной, скулы голыя, у рукъ вмѣсто пальцевъ когти,

у ногъ пальцевъ не имѣль, мужеска пола“. Такое свѣдѣніе привезъ въ с. Полновацкое священникъ Михей Поповъ, которому на р. Мазымѣ, куда онъ ѣздить для исполненія требъ, рассказывалъ старшина Тарликъ. Отставной урядникъ Андрей Шаховъ послалъ объ этомъ 16 декабря 1845 г. „доношеніе“ въ березовскій земскій судъ. Тамъ того же числа „приказали“: копию донесенія урядника препроводить при указѣ къ и. д. кондинскаго отдѣльнаго засѣдателя Кожевникову, съ нарочнымъ казакомъ, „велѣвъ ему, Кожевникову, тотчасъ по полученіи указа отправиться на мѣсто происшествія и противу означеннаго доношенія сдѣлать личное удостовѣреніе, и если по таковому окажется оное справедливымъ, какъ изъясняетъ урядникъ Шаховъ, то велѣть ему, Кожевникову, застрѣленнаго изъ ружья промышленниками инородцами необыкновеннаго возраста человѣка съ глазами на лбу и на щекѣ доставить со всею сохранностію въ Земскій судъ въ натуральномъ онаго видѣ и сколь можно поспѣшиѣе, и о происшествіи, какимъ образомъ оное сопровождалось, произвести подробное удостовѣреніе и также представить въ судъ“. Объ этомъ донесено было тобольскому губернатору и губернскому правленію.

Засѣдатель Кожевниковъ немедленно отправился на р. Мазымъ, но на пути встрѣтились разнаго рода препятствія, въ видѣ бездорожья, отсутствія оленей, невозможности ранѣе 5-6 дней отыскать самоѣда и остяка, застрѣлившихъ какое то чудовище. Указавъ на то, что чудовище будто бы добыто въ октябрѣ, а слѣдовательно могло быть расхищено звѣрями и занесено снѣгомъ, что скоро отыскать едва ли возможно, въ виду своего нездоровья и приближенія времени сбора ясака, засѣдатель донесъ, что онъ возвратился обратно, а на розыски командировалъ урядника Никифора Ямзина. Послѣдній явился съ розысковъ 27 декабря и донесъ, что онъ отыскалъ „звѣропромышленниковъ, застрѣлившихъ будто какого-то чудовища“. Это были: Кызымской волости некрещеный самоѣдникъ Подарутиной ватаги Обыль, 45 лѣтъ, и остякъ деньщиковскаго отдѣленія вартлинскихъ юртъ Фалалей Анисимовъ Лыкысовъ, 32 лѣтъ. Обыль объяснилъ, что вмѣстѣ съ Фалалеемъ пашли

въ лѣсу „какого-то чудовища, облаяннаго собаками, отъ коихъ онъ оборонялся своими руками; по приближеніи 15 сажень къ боку изъ заряженнаго ружья Фалалей стрѣлилъ въ онаго чудовища, которое и пало на землю. Осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, орудія при немъ никакого не было, ростомъ 3 аршина, мохнатой, не имѣлось шерсти только на носу и на щекахъ, шерсть густая длиной въ полвершка, цвѣту черноватаго, у ногъ перстовъ нѣтъ, пяты востроватыя, у рукъ персты съ коктями, для испытанія разрѣзывали тѣло, которое имѣетъ видъ черноватой, и кровь черная, чудовища сего оставили безъ предохраненія на томъ мѣстѣ“. Показаніе остяка Фалалея Лыкысова пошло въ разрѣзъ съ показаніемъ Обыля. Не отвергая, что съ Обылемъ ходилъ на промысль, онъ „никакого въ яву чудовища не находилъ и не видалъ, кромѣ во снѣ видѣлъ подобнаго разсказу чудовища, по пробудѣ разсказывалъ Обылю, который, вѣроятно, съ сего нанесъ слухъ, или можетъ самъ онъ убилъ такого чудовища“. Послѣ этого Ямзинъ старался розыскать, по указанію Обыля, мѣсто, гдѣ убито чудовище, но розыскать не могли. Обыль даже и примѣтъ никакихъ не нашелъ и высказалъ предположеніе, что то чудовище кѣмъ-либо взято.

Интересъ къ чудовищу все возрасталъ. Земскій судъ настойчиво требовалъ отъ засѣдателя представить чудовище. А земскій исправникъ, успѣвшій уже заинтересовать этимъ тобольскаго губернатора, даетъ кондинскому засѣдателю 18 февраля 1846 г. слѣдующее предложеніе, которое озаглавлено: „о само-нужнѣйшемъ“: „Черезъ посланнаго мною въ Тобольскъ съ казенными бумагами нарочнымъ козака я получилъ отъ его превосходительства господина состоящаго въ должности гражданскаго губернатора, сверхъ сдѣланнаго имъ мнѣ письменнаго предписанія еще словесное приказаніе, чтобы непременно найти застрѣленное на промыслахъ инородцами необыкновенное чудовище. А какъ открытіе онаго возложено мною на васъ, и объ этомъ имѣете вы предписаніе какъ отъ земскаго суда, такъ и отъ меня собственно отъ 8 и 29 числа истекшаго Генваря за № 10 и 33, но до сихъ поръ не получено

отъ васъ никакого донесенія о послѣдствіяхъ вашихъ розысковъ, то поэтому, объявляя вамъ о вышеозначенномъ приказаніи его превосходительства, я настрожайше предписываю вамъ употребить всевозможное стараніе къ непремѣннѣйшему отысканію означеннаго застрѣленнаго чудовища, не взирая ни на какіе невозможности, ибо въ противномъ случаѣ оправданія въ этомъ приняты въ разсудъ не будутъ, а напротивъ послужатъ доказательствомъ нерасторопности, бездѣйствія и нерадѣнія.

При чемъ обязываю васъ, когда найдете вы это чудовище, то старайтесь какъ можно со всею сохранностію доставить оное въ Кондинскъ, и тотчасъ же прислать ко мнѣ парочнаго съ донесеніемъ объ этомъ, ибо я самъ пребуду въ Кондинскъ для сдѣланія по этому предмету дальнѣйшаго распоряженія; въ случаѣ же бы паче чаянія неотысканія этого чудовища, то вы о послѣдствіи вашихъ розысковъ, такъ и о причинахъ молвы объ этомъ чудовищѣ, отъ чего таковая произошла, должны со всею подробностію и немедлѣннѣйше донести мнѣ и земскому суду.

Впрочемъ я остаюсь въ надеждѣ, что Ваше Благородіе, употребивъ дѣятельность свою и стараніе къ розыску, не заставите себя описывать означенной подробности, но найдете и доставите въ натурѣ застрѣленное чудо“. Подписаль: „Въ должности Березовскаго земскаго исправника Кучеровскій“.

Предписаніе написано исправникомъ собственноручно, четкимъ, красивымъ почеркомъ, какимъ писали наши дѣды. А стиль? Тутъ и дѣловое вступленіе, приказаніе, инструкція, указаніе на послѣдствія неисполненія (бездѣйствіе, нерадѣніе) и наконецъ тонкая просьба.

Получивъ такое предписаніе, могъ ли засѣдатель не исполнить его? Онъ немедленно отправился чрезъ Малоатлымское село и юрты Сартынь—Горть въ рѣку Мазымъ, въ Вершинскія Мазымскія юрты, отстояція отъ Кондинска въ 200 верстахъ—мѣстожительство остяка Фалалея Лыкысова. Туда же былъ доставленъ и самоѣдь Обыль, по прозванію Подарунтинъ. Видимо на послѣдняго засѣдатель возлагалъ большія

надежды и примѣнилъ въ разговорѣ съ нимъ особо осторожныя пріемы. Чрезъ переводчика Кокоулина засѣдатель предупредилъ Обыля, „чтобы онъ ни малѣйше не имѣлъ въ мысли своей какого-либо подобострастія, какъ къ бывшему хозяину своему (Фалалею), такъ по нехристіанству суевѣрнаго мщенія (отъ считаемаго имъ, Обылемъ, дьявола) чудовища, котораго застрѣлилъ его хозяинъ Лыкысовъ“. Послѣдствіемъ такихъ пріемовъ было то, что Обыль въ присутствіи многихъ свидѣтелей „обнадежилъ, что онъ отыщетъ и укажетъ, гдѣ убито чудовище, лишь бы хозяинъ его Фалалей Лыкысовъ довелъ до ночлежнаго шалаша, отъ коего происшествіе было не въ дальнемъ разстояніи“.

Оставалось получить подтвержденіе отъ Фалалея (засѣдатель называетъ его уже Пантелеемъ) Лыкысова, котораго засѣдатель „розыскнымъ разговоромъ испытывалъ о происшествіи застрѣленнаго чудовища, о мѣстѣ и проч.“.

Къ удивленію Лыкысовъ заявилъ, что Обыль „ложно разгласилъ“. „Бывши съ Обылемъ на промыслѣ, говорилъ остякъ, въ одну бурную ночь дѣйствительно приснилось ему, что будто повстрѣчался на пути по облаяніи собаками съ чудовищемъ (дьяволомъ), ростомъ болѣе 5 аршинъ, востроголовый, всего въ персти, отчего и лица, какъ помнитъ, не замѣтилъ, но наружный видъ былъ весь похожій на человека; будучи въ испуганности отъ такого чудовища, какъ будто на яву, для предохраненія своей жизни стрѣлилъ изъ ружья и то чудовище пало на землю; при семъ послѣднемъ видѣніи его, Пантелея, Обыль началъ рубить дрова и отъ сего онъ, Пантелей, пробудился, тогда же сварили пиццу, съли ѣсть, то онъ, Пантелей, Обылю разсказалъ свой сонъ, о которомъ по прѣходѣ и домашнимъ говорилъ, на яву же такого происшествія не было, въ чемъ и увѣрялъ рѣшительно“.

Обыль стоялъ на своемъ: „пусть хозяинъ отыщетъ и укажетъ тотъ шалашъ, гдѣ имѣли ночлегъ, а отъ сего онъ, Обыль, можетъ отыскать мѣсто, гдѣ убито чудовище“.

Въ виду такой категоричности заявленія самоѣда засѣдатель снарядилъ цѣлую экспедицію, взявъ урядника, Обыля, Пан-

телея, одиннадцать остяковъ и двухъ самоѣдовъ. Дорогой Обыль все обнадеживалъ отыскать чудовище. Это было въ концѣ февраля. Шли на лыжахъ сутки. Наконецъ экспедиція прибыла къ самому интересному пункту. Вотъ шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей въ густомъ лѣсу, въ логовищѣ при рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Вохлымъ. Интересъ участниковъ экспедиціи достигъ наивысшей точки: вотъ-вотъ Обыль укажетъ предметъ поисковъ. Но тутъ случился совершенно неожиданный оборотъ. Самоѣдинъ Обыль „когда потребовано было отъ него указать мѣсто, гдѣ убито чудовище, сказалъ, что ничего нѣтъ, хозяинъ видѣлъ во снѣ, и подтвердилъ всѣ тѣ слова, что объяснилъ Паптелей“. Легко себѣ представить разочарованіе засѣдателя и его спутниковъ. „Всѣми мѣрами“ Обыля стали убѣждать указать отыскиваемое мѣсто, но онъ рѣшительно утверждалъ, что никакого чудовища онъ не знаетъ и объяснилъ, что сонъ, рассказанный хозяиномъ, онъ передалъ своимъ родовичамъ, желая похвастаться тѣмъ, что убили Куль или Мѣппъ (дьяволъ) и что онъ никакъ не предполагалъ, что его рассказу будетъ придано такое значеніе.

Печально было возвращеніе экспедиціи съ поисковъ. Полное разочарованіе, неудача. Съ прискорбіемъ, конечно, пришлось донести объ этомъ исправнику, который, въ свою очередь, донесъ губернатору и губернскому правленію.

Дикая, темная исторія. Всѣ фигуры въ ней характерны.

Безъ конца отравляютъ алкоголемъ мозгъ остяковъ и самоѣдовъ. Недостатокъ водки аборигены сѣвера восполняютъ, какъ говорятъ, наркотическими настойками, напр., настойкой изъ мухомора.

Въ безпросвѣтную бурную ночь въ глухомъ лѣсу чего только не представится въ отравленномъ мозгу дикаря-охотника.

Но все это, такъ сказать, въ порядкѣ вещей.

А вотъ земскій судъ и эти „доношенія“, предписанія, рапорты и цѣлая экспедиція съ засѣдателемъ во главѣ въ поискахъ за чудомъ,—это какъ?

Въ заключеніе не могу не привести отрывокъ изъ старой сургутской статистики.

Въ березовскій земскій судъ была представлена „отчетность по управленію сургутскимъ участкомъ со статистическими свѣдѣніями за 1858 годъ“. Въ этой „отчетности“ обращаютъ на себя вниманіе такія рубрики и отвѣты на нихъ:

1) „Дворянскіе выборы: дворянскихъ выборовъ въ Сургутскомъ участкѣ не производится“;

2) „Народная правдивость: замѣтный порокъ у чернаго народа, въ особенности у впородцевъ, есть пьянство, противу котораго принимались мѣры“;

3) „Благонадежность: благонадежность зависитъ отъ усмотрѣнія Березовскаго Земскаго Суда“.

4) „Заключеніе“: „Земскій Судъ изъ сего отчета изволить усмотрѣть касательно управленія участкомъ“.

г. Тобольскъ.
8 февраля 1909 г.

Сообщ. П. Маковецкій.

